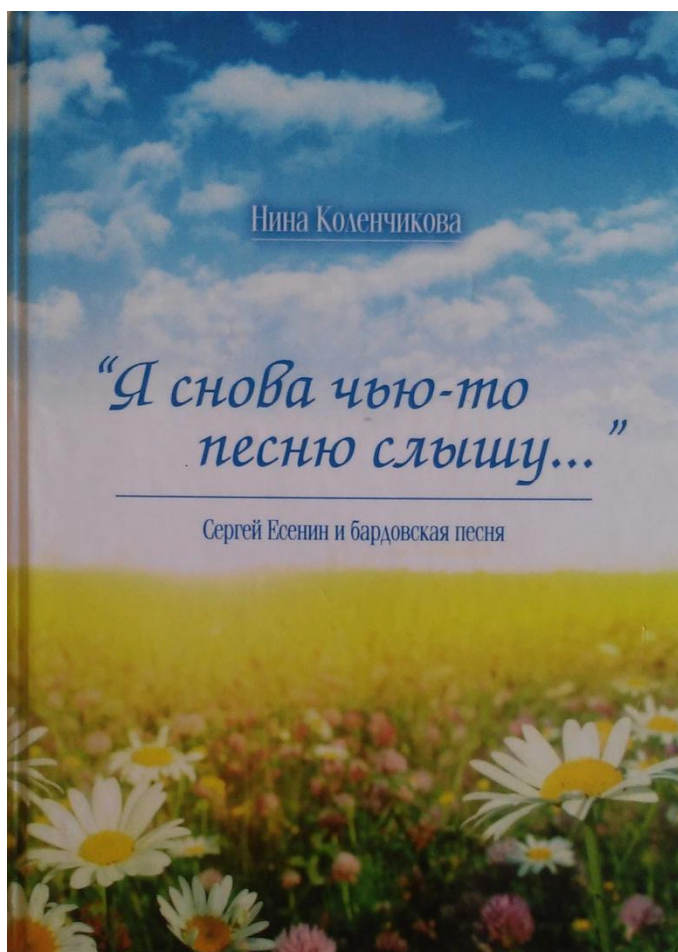

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ БАРДОВСКОЙ ПЕСНИ

Бессмертие Есенина возвращает нас к первоначальным истокам поэзии, к её синкретизму: к рапсодам, труверам, ашугам.

Павел Антокольский, 1964

Имя белорусской исследовательницы Нины Коленчиковой хорошо известно литературной России. Талантливый литературовед, тонкий мастер слова, педагог-просветитель, она умеет заражать читателей своей любовью к Слову, вести их по лабиринтам авторских замыслов, открывать только ей ведомые тайны поэтической строки.

В Нине Коленчиковой бардовская поэзия XX века нашла своего талантливой историка, биографа, летописца. Свидетельством тому — её новая книга «Я снова чью-то песню слышу...» (Сергей Есенин и бардовская песня). Ценность этого уникального исследования в том, что оно показывает органичность бытования бардовской традиции в лоне русской (и шире — общеславянской) культуры. Другая заслуга Нины Васильевны — выявление преемственных этапов развития этого жанра от «Баяна вещего» до современных мастеров авторской песни.

На этом пути читателя ждёт немало поразительных открытий. Начиная родословную авторской песни от древнерусского скоморошничества, исследовательница приводит нас затем к «волшебным песням родимого барда», как охарактеризовал задумчиво-гармоническую пушкинскую лиру Алексей Кольцов. Именно А.С.Пушкин, по мнению автора книги, стал родоначальником исповедальной поэзии, сделал достоянием книжной культуры стихию живой разговорной речи во всём её мелодийно-песенном звучании. «Пушкин извлекает слова из музыки сердца. Его поэзия, изначально музыке соприродная, вышла из одного с нею корня», — справедливо утверждает исследовательница.

Свежо и одновременно бесспорно и другое её тонкое наблюдение о Пушкине как «начале всех начал» и в бардовской ветви русской словесности: «Он выплеснул открытую душу в лирических отступлениях романа «Евгений Онегин», являющих простодушие откровенности, всплески эмоций и стенограмму чувствований поэта». Отсюда, по мысли Н.Коленчиковой, — прямая дорога к «истине чувств» бардовской песни XX – XXI веков. Другой её исток, как считает Нина Коленчикова, — грешная и страстная муза Аполлона Григорьева, воспевшего «безумное счастье страдания» и подарившего русской песне упоительную ноту цыганского надрыва.

Центральная фигура книги Н.В.Коленчиковой — Сергей Есенин. «Певчая птица русской поэзии», «князь песни», «соловей славянских литератур» — какими только эпитетами не награждали Есенина его современники! Само слово «песня», согласно приведённым в книге данным, встречается в его лирике свыше 130 раз. «Своё творчество Есенин осознаёт как «песенное слово» и «словесное пенье», «поющее слово» и «песенный плен» — пишет Н.В.Коленчикова. И особо отмечает роль другой — частушечной — традиции в генезисе есенинской лирики как «предтечи» бардовской песни: «Возникшая на границе книжной поэзии и фольклорной культуры, частушка, с её ударным складом и быстрым ходом, с её способностью схватывать на лету житейские мелочи и бытовые перемены, привлекла Есенина и была для него серьёзной школой». И далее: «Та душевная раскрепощённость. Которая является главным достоинством русской частушки, со временем перешла в авторскую песню, осветила её золотым свечением».

Обращая внимание читателя на особенности чтения Есениным своих стихов, автор книги, вслед за современниками поэта, характеризует его исполнительскую манеру как «чтение-пение» своих стихов. «Он пел свои строки», — подчёркивает бельгийский поэт Ф.Элленс. Н.В.Коленчикова, приводя эти слова, акцентирует наше внимание на очень важном факте участвовавших к концу жизни выступлений поэта с песенным исполнением своих стихов. «Именно в 1924-1925 гг., — пишет исследовательница, цитируя свидетельства С.Толстой, И.Бабея и В.Мануйлова, — зарождалась и заявляла о себе авторская песня С.Есенина, когда он пел свои стихи на свои же мелодии; иногда под гитару, но чаще всего под гармонику». В таком авторском исполнении звучали есенинские стихи-песни: «Есть одна хорошая песня у соловушки...», «Вечер чёрные брови насопил...» и другие. «Видно, жизнь моя за песню продана...», — признавался в те годы сам поэт.

Своей песенной лирикой он противостоял нивелированию человеческой личности, наступлению технократического Апокалипсиса, пришедшему подавить всё «милое, родное, звериное», говоря есенинскими словами. «Его песня, за которую “продана жизнь”, — замечает Н.В.Коленчикова, — помпартовски гениальна в своей общедоступности, высокой красоте и человечности. Он овладел ею ценой лишений, ценою крови, ценою жизни». И действительно, авторской песне будущих поколений поэтов «он завещал живую Душу»...

Среди наследников есенинской традиции в бардовской песне 50-80-х годов Н.В.Коленчикова заслуженно выделяет тех, благодаря кому в нашу жизнь вошли не только «песни-лозунги», но и «песни-друзья». Бардовская песня стала в эти годы «лирическим противостоянием официозу».

Совершенно справедливо характеризуя авторскую песню как «многогранное социокультурное явление, в известном смысле — общественное движение конца 50-89-х годов XX века», автор книги впервые в есениноведении обращает внимание на тот примечательный факт, что «авторская песня стала заявлять о себе, когда вышла из-под запрета поэзия С.Есенина. Душа великого лирика XX века, освобождённая, взывала к другим душам, побуждая их раскрыться... Ведь в природе существует песенный зов. Тот зов, который объединяет искренние души и составляет основу авторской песни».

Наиболее органично, в русле есенинской традиции, встроена в структуру книги глава о Николае Рубцове, который, как точно выразилась исследовательница, трагически проживал свою жизнь, потому что «не мог прижиться в полуправде и полусвободе». Он пришёл в русскую поэзию как вечный скиталец и бездомник, как «поэт прощения и жалости», и с печальной нотой его стихов в русскую лирику вернулась забытая после есенинской «Руси бесприютной» традиция сиротских песен.

«Николаю Рубцову, как никому другому в XX веке, удалось (вслед за Есениным) выразить сиротство русского человека, которого лишили корней, памяти, веры предков», — так удивительно точно подмечает Н.В.Коленчикова основную тональность рубцовских стихов, определивших особое место поэта в литературе его эпохи.

«Песни, песни, о чём вы кричите?» — с сердечным волнением и болью вопрошал когда-то Есенин. Эту традицию «кричащих» песен воспринял всем своим существом и продолжил — мощно, «на разрыв аорты» — ещё один поэт-певец «есенинской судьбы», Владимир Высоцкий, которому в книге Н.В.Коленчиковой также отведено особое место. «Я сердцем никогда не лгу», — писал Есенин. «Ни единою буквой не лгу», — вторил ему Высоцкий. Этот живительный источник искренности, совести и правды, противостоящий парадному бездушию, внёс в русскую поэзию дыхание человечности, ценность которой неоспорима во все времена.

Есенинскую традицию покаянных песен о Родине, по мнению автора, продолжил Игорь Тальков («Россия»), и в этом с ней также нельзя не согласиться.

Есть в исследовании Н.В.Коленчиковой и полемические моменты, побуждающие к дискуссии. По нашему мнению, Булат Окуджава, Юрий Визбор, Александр Галич торили в жанре авторской песни совершенно свою дорогу; «свою колею». Они самобытны, оригинальны, самодостаточны и не нуждаются в той или иной «привязке» к есенинской традиции. Что же касается их литературных портретов, то они представлены в книге вполне достойно и убедительно.

Большую часть книги составляет очерк жизни и творчества мастера современного русского шансона Александра Новикова, для которого творчество Есенина, по его собственному признанию, является одним из главных духовных ориентиров. Увлечённость Н.В.Коленчиковой его творческой индивидуальностью и по-своему драматичной судьбой подкупает. В то же время, думается, не все читатели разделят её восхищённую оценку творческих заслуг этой, безусловно, яркой и амбициозной персоны — так же, как и далеко не все пожелают поставить отечественный вариант шансона рядом с авторской песней в её классическом варианте.

Не во всём соглашусь и с настойчивым стремлением автора книги жёстко и однозначно противопоставить бардовский жанр массовой советской песне. Эта песня воспитала лучшие качества народа-победителя, народа-созидателя, осознавшего себя единым целым в самые драматические моменты отечественной истории. Именно она сформировала и поколение романтиков

эпохи шестидесятых. Свидетельством тому — незабываемые песни всё того же Булата Окуджавы о «комиссарах в пыльных шлемах» и о «поднявшем меч на наш союз...». Все, кто жил в «лихие девяностые», помнят, что тогда советская патриотическая песня выступала как средство духовного сопротивления по отношению к победившей псевдодемократии и выражавшему её идеологию шоу-бизнесу, то есть выполняла ту же роль, что и бардовская песня в период так называемого «застоя». Не могу не упомянуть и о том, как давно забытый и снова возрождённый тысячным хором Санкт-Петербурга «Марш энтузиастов» («В буднях великих строек...»), прозвучавший в День России 12 июня 2014 года, вызвал колоссальный всплеск эмоций и слёзы счастья у многих и многих наших соотечественников от охватившего всех чувства общенационального единения. Такую же мощную реакцию вызвали и другие песни классиков советского репертуара.

Времена меняются, настоящее искусство остаётся. Лучшие образцы авторской песни стали нашим классическим достоянием.

Книга Н.В.Коленчиковой, энциклопедически обширная по представленному в ней материалу, ценна тем, что даёт нам осознать значение нашего общего духовного наследия и тех немеркнущих ценностей совести, правды, человечности, которые утверждала в своих высших достижениях авторская песня.

О.Е.Воронова,
*руководитель Есенинского научного
центра Рязанского государственного
университета имени С.А.Есенина,
доктор филологических наук, профессор,
член Союза писателей России*

Книга Нины Коленчиковой «Я снова чью-то песню слышу...» Сергей Есенин и бардовская песня» вышла в свет в издательстве «Вараксин», тираж 100 экземпляров.

По вопросам приобретения книги все желающие могут обращаться непосредственно к её автору по телефонам:

8029 369 92 67

8017 294 23 41 (Минск)

Пресс-служба СПБ-Гродно